

Издательство при Доме-музее М.И.Цветаевой в Москве только что выпустило новую книгу — запись рассказов дочери писателя Бориса Константиновича Зайцева. Впервые воспоминания Н.Б.Зайцевой были напечатаны в "Русской мысли" (№№4163-4166), однако упоминания об этом в книге нет...

Самый текст воспоминаний предваряют два кратких предисловия. Первое, написанное Н.И.Катаевой-Лыткиной, посвящено "знаменательным и заслуживающим внимания" взаимоотношениям семьи Зайцевых с М.И.Цветаевой и ее родными. Второе, "Тихий свет", принадлежит О.Ростовой и содержит краткий рассказ о том, как возникли эти воспоминания.

Н.Б.Зайцева повествует о последних 50 годах жизни своей семьи (Борис Зайцев полвека прожил в эмиграции).

Несомненно важным представляется свидетельство Натальи Борисовны о политических взглядах ее отца. С самых первых дней большевистского переворота Зайцев был одним из непримиримых противников нового режима. "Соведения" была для писателя лишь "сатанинским престолом", "страшной, клубящейся тучей, с дьявольским заданием: в пять лет все «дезинфицировать», все уничтожить (...) извести интеллигенцию, мораль, религию — голого дикаря посадить на престол славы". Борис Константинович всегда был уверен в необходимости спокойной, неторопливой работы писателя, однако эта уверенность никогда не уводила его от участия в повседневной очень непростой жизни русского Парижа, к объединению лучших сил которого он так стремился.

Еще в 1932 году Зайцев достаточно определенно откликнулся на три вопроса анкеты, предложенной парижским альманахом "Числа" некоторым русским писателям: "Что вы думаете о Ленине? а) личность б) деятельность в) стиль (литературный)". Писатель ответил: "Охотно дал бы 'Числам' ответ на любую тему,

Заметки на полях НОВОЙ КНИГИ

— 1998. — 9-15 апр. — с. 14

*русская
мысль. —
Париж.*

кроме предложенной. Ленин настолько мне мерзок, что ни думать о нем, ни о нем писать — никак не могу. Бор. Зайцев" ("Числа", №6). Через несколько лет, когда советские самолеты начали уничтожать столь любимый писателем "дивный остров Валаам", потребовались уже не отвлеченные рассуждения на неприятную тему, но конкретные и точные действия, и именно Зайцеву принадлежит заслуга своевременного появления "Протеста против вторжения в Финляндию". Письмо, составленное Борисом Константиновичем и подписанное многими виднейшими русскими интеллектуалами его круга (Бунинным, Рахманиновым, Мережковским, Гиппиус, Набоковым и другими), призвано было разъяснить, на чьей стороне в этом конфликте симпатии русской эмиграции, во всяком случае значительной ее части... "Протест..." был опубликован в газетах "Последние новости" и "Наше дело" и стал известен как в эмиграции, так и во всем мире. Зайцевы очень гордились тем, что сын их племянницы Яльмар Кристенсен добровольцем вступил в финскую армию и сражался с большевиками.

Исключительно бережное отношение писателя к своей родине, к России, любимой с детства и на всю жизнь, к ее истории и народу всегда позволяло Борису Константиновичу умело проводить грань между "Россией распинаемой" и советской империей, находящейся "на скамье подсудимых", "позорящей собою весь мир". Именно поэтому, думается, он с такой последовательностью добивался исключения из парижского Союза русских писателей тех, кто соблазнился и принял советское подданство. Во многом этим же объясняется и расхождение с близким и дорогим всей семье Зайцевых Иваном Алексеевичем Буниным, поначалу воспринимавшим послевоенное "покрашение" части эмиграции как про-

явление "страха, холопства или стадности", а после снизошедшего до эпизодического общения со столь отвратительными Зайцеву представителями советского официоза. Страницы воспоминаний Н.Б.Зайцевой-Соллогуб, посвященные Буниным, — едва ли не самые живые и деликатные во всей книге...

За текстом воспоминаний дочери Бориса Зайцева следуют примечания, написанные А.Д.Романенко. Примечания эти достаточно обширны, однако требуют некоторых дополнений и уточнений. Так, Вера Алексеевна Зайцева вступила в брак с Б.Зайцевым не в ноябре 1902 года, а почти десять лет спустя — 2 апреля 1912 года. В 1922 году даже при всем желании большевиков нельзя было выслать за границу "московскую и ленинградскую группы" интеллигенции, поскольку Петроград переименовали после смерти Ульянова-Ленина. Л.П.Карсавин после высылки не "возвращался на Родину". С 1927 года он поселился в Литве, и "советская Родина" сама "вернулась" к нему в 1940-м. В примечании об Этторе Ло Гатто стоило, пожалуй, уточнить, с чего началась непрекращавшаяся всю жизнь взаимная приязнь Зайцева и итальянского слависта: Ло Гатто одним из первых вспомнил о русской эмиграции, обратил внимание на возникающее русское рассеяние как на прежде всего некий культурный феномен. Он первым добился устройства конференции, на которой русские эмигранты в полный голос заявили об образовании в Европе новой, особо организованной культурной среды, своего рода русского культурного пространства вне России, живущего поэту во многом изолированно и не собирающегося расставаться со своей "автономией". На конференции было заявлено о "полном выходе России «в мир»", что несколько лет спустя было расценено Зайцевым как "особо убе-

тельный, почти самоочевидный" смысл русской революции.

В примечании 25-м автор подчеркивает нежелание дочери А.М. и С.П.Ремизовых "покинуть советскую Россию". Скорее, полагаем, здесь следовало бы сказать о нежелании Н.А.Ремизовой встречаться и жить со своими родителями, с которыми она виделась лишь эпизодически с раннего детства, а после 1917 года и вовсе не встречалась. Во всяком случае, именно такое понимание этих событий находим в статье внука А.М.Ремизова — Б.Б.Бунича, объясняющего такое отношение к возможности воссоединения с отцом и матерью "глубоким убеждением Натальи Алексеевны в своей ненужности родителям" (см.: Алексей Ремизов. "Исследования и материалы". СПб, 1994. С.270).

Из примечания 57 неискушенный читатель может заключить, что Г.Н.Кузнецова была "объектом последнего «серьезного и мучительного романа»" Леониды Федоровича Зурова, а не И.А.Бунина.

Комментатор не указывает, что письма Б.Зайцева домой с Афона были напечатаны нами еще в 1992 году в парижском "Вестнике РХД" (№164). По-видимому, вследствие незнакомства с названной публикацией он допускает ошибку в атрибутировании фотографии на с.95. Подпись под фотографией гласит: "Б.Зайцев и художник Д.Стеллецкий (?) в Италии. Возможно, Неаполь. Июль 1926 г.". Письма же, помещенные в "Вестнике РХД", позволяют заключить, что эта фотография сделана в Греции, на Акрополе, и рядом с писателем стоит бельгийский журналист Грас, корреспондент газеты "Индепанданс бельж". По дороге на Афон Зайцев несколько дней общался с Грасом: «Вчера с Грасом полдня просидели на Акрополе (...) Снимок наш будет в "Indépendance Belge"» (из письма от 8.05.27, Афины). Таким образом, можно точно датировать эту фотографию — она сделана 7 мая 1927 г.

Сам текст воспоминаний, подготовлен-

Мargarита Августовна Степун и Галина Николаевна Кузнецова. Мюнхен. 12.09.1950. © Н.Б.Зайцева.

ный О.Ростовой, также требует некоторых уточнений. Укажем на существенное: со времени переезда во Францию ни Б.К.Зайцев, ни его жена, ни их дочь не имели советских паспортов. Они были беженцами, лицами без гражданства, и удостоверением личности им служил так называемый Нансеновский паспорт, т.е. сертификат, выдававшийся Верховным комиссариатом Лиги Наций по защите русских беженцев. Поэтому читаемое на стр.30: "А немцы во Франции стали регистрировать всех эмигрантов. О, было страшно — ведь мы были русскими подданными", — звучит как-то неопределенно, ибо к моменту оккупации Парижа Зайцевы никакого подданства не имели (а писатель и его жена так и оставались русскими беженцами до конца жизни). Вероятно, точнее было бы сказать: "...ведь мы прежде были русскими подданными".

С появлением этой изящной книжки исследователям и всем интересующимся стало доступно еще одно живое свидетельство современницы все дальше уходящей эпохи расцвета русской культурной и общественной жизни.

АЛЕКСАНДР КЛЕМЕНТЬЕВ

Париж